

Интервью номера

Скромное обаяние
музыкальной
буржуазии

С Георгием АГЕЕВЫМ желают работать художественные руководители всех лучших оркестров страны, хотя его имя не увидишь на афише. Он не выходит на поклон и не собирает охапки цветов после концерта. Агеев — один из самых сведущих и успешных арт-менеджеров постперестроечного поколения. Без его организаторского таланта многие московские концерты никогда бы не состоялись. Ныне он директор новорожденного Национального филармонического оркестра России, а прежде — «Виртуозов Москвы», а до того — светлановского Госоркестра.

Мария БАБАЛОВА

— Принято считать, что в оркестровые профессии стремятся те, кто не может реализовать свои актерские амбиции. К директорам оркестров это тоже относится?

— Совершенно верно. Все мои родственники так или иначе связаны с театром. Моя прабабушка была секретаршей у Станиславского. Мои родители актеры. Я поступал на актерский факультет ГИТИСа, но провалился. Для меня это было страшной драмой, к счастью, длившейся недолго. Мне довольно быстро хватило ума понять, что перспективы у меня в актерстве никаких и что в творческом коллективе существуют другие профессии. Методом исключения, понимая, что рабочим сцены я быть не хочу, я стал перебирать возможные варианты. Однажды, попав в кабинет директора легендарной «Маяковки» Михаила Петровича Зайцева, увидев, что там есть выход в маленькую собственную ложу в бельэтаже, шикарный кожаный диван для распределения ролей и прочие удобства, я тут же про себя подумал: почему бы мне не пойти по этому пути? И уже через год после своего актерского фиаско я прошел первым номером на экономический факультет ГИТИСа.

— А как так получилось, что, желая стать директором театра, вы сделали удачливым директором оркестра?

— Со студенческой скамьи до 1991 года — момента, когда я принял приглашение Евгения Федоровича Светланова занять пост директора ГАСО, я смотрел по 300 спектаклей в год и с каждым годом все меньше и меньше находил в

драматическом театре те сильные эмоциональные впечатления, ради которых я так рвался в театр. Но даже когда я работал у Светланова, круг моих интересов фокусировался в основном на опере и балете. И тогда, и до сих пор Мариинский театр является самым главным и любимым театром моей жизни. Я знаю все, что там происходит, до мелочей и болею за него, как сумасшедший футбольный фанат.

— Почему же в таком случае вы ответили отказом на предложение Валерия Гергиева занять пост директора Мариинки?

— Отказать человеку такого обаяния и такого таланта, как Гергиев, мне было невероятно трудно. Наверное, в нем до сих пор живет некоторая обида на меня. Валерий Абисалович — человек противоречивый, очень разнообразный в своих проявлениях. Он замечательный в дружбе — очень открытый и щедрый. Но он может быть и жестким, и несправедливым по отношению к тем людям, которые рядом с ним работают. Ему иначе как Дягилева в директора не подавай. Но и Дягилев тоже оказался бы плох. Я всегда старался объяснить Валерию Абисаловичу, что те люди, которые работают рядом с ним в Мариинском театре, достойны большего уважения и поощрения с его стороны. Я долгое время, как мне представлялось, был для него экспертом, хотя не думаю, что разбирался во всех проблемах театра гораздо лучше тех, кто отдал Мариинке всю жизнь. Но не раз бывали такие случаи, когда люди из театра обращались ко мне с просьбой высказать Гергиеву мою точку зрения, совпадающую с мнением этих людей, и только для того, чтобы маэстро

одобрил их позицию. И я понимал, что эта модель взаимоотношений будет экстраполироваться и на меня, и его разочарование во мне неизбежно, как только я окажусь рядом. Я дал ему понять, что по-прежнему готов помогать совершенно безвозмездно, но только не входя в какие-либо должностные отношения. Быть его другом для меня всегда было ценнее.

Дело в том, что при всех своих профессиональных достоинствах я не собираюсь всю свою жизнь, до последней свободной минуты, тратить на работу. У меня помимо дела, которым я очень увлечен, есть другая, личная жизнь. Я люблю встречаться с друзьями, ездить отдыхать, красиво одеваться — я умею радоваться жизни. Я абсолютно буржуазный человек. Я

— Поделитесь наукой долгих альянсов с гениями...

— В Москве немало вменяемых художественных руководителей и их супруг, с которыми невозможно иметь дело. Поэтому я всегда очень тщательно присматриваюсь к тому, чье предложение рассматриваю. Я человек не семейный, но, мне кажется, как в любой семье, надо уметь притереться друг к другу. Мы со Спиваковым приглядывались друг к другу несколько лет. Владимир Теодорович покорила меня совокупностью своих качеств, человеческих и музыкантских. Это человек, который всегда тебя поймет и никогда не станет вешать только на тебя всех собак за какую-либо неудачу. Мы с ним вместе работаем уже более семи лет. Хотя еще года два назад у меня случалось

были знакомы. Они не были меломанами и не ходили на наши концерты. Но, как только они не смогли больше нам помогать, в оркестре тут же стали клацать зубами, требуя свежей крови. Музыканты ГАСО всю жизнь были свято уверены, что все вокруг им только должны. Они фактически перестали над собой работать. Так что трагический финал был вполне закономерен. Очень печально, конечно, что сегодня в России не нашлось более значимой фигуры, чтобы возглавить первый по статусу симфонический оркестр страны.

— Если бы вы остались в оркестре, вы допустили бы изгнание Светланова?

— В последние годы моей работы в оркестре значительная часть музыкантов подталкивала меня к

«...Когда Джесси Норман вошла в номер, по выражению ее лица я понял, что он ей не нравится. А по моему выражению лица она поняла, что никуда отсюда не съедет. Нравится не нравится, спи, моя красавица...»

люблю деньги и не являюсь человеком, который может жить на три копейки и еще бравировать этим. Я не принадлежу к категории лицемеров и ханжей, которые говорят, что мне ничего не надо, дайте лишь стакан воды и кусочек хлеба, и я не буду ни спать, ни есть, ни писать, ни какать, а лишь только верно служить. Конечно, если жизнь сложится иначе, я смогу прожить и на три копейки. И со Светлановым, и со Спиваковым я всегда был достаточно откровенен в этом плане.

лишь очень сложные сюжеты во взаимоотношениях со Спиваковым. Самый тяжелый период моих отношений со Спиваковым пришелся на момент его травли в Российском национальном оркестре. Но в процессе создания нового оркестра мы снова слились в экстазе. Хотя я до сих пор не вполне уверен, что он доверяет мне стопроцентно. А вот придя в Госоркестр, я почти сразу понял, что со Светлановым мне будет работать не просто.

— Зачем же тогда вы согласились?

— Это предложение с профессиональной точки зрения было и легко, и интересно. Я всегда стремился работать с личностями планетарного масштаба. Светланов был гением не только в музыке. Он был награжден великим даром лицедейства. Фома Опискин и Тартюф бледнели перед ним. Я всегда бывал заморожен любимыми его публичными выступлениями. В личном общении он, естественно, был другим человеком. Я был восемнадцатым по счету директором в Госоркестре. Большинство моих коллег более чем на два сезона в оркестре не задерживались. Я проработал почти семь лет. Мне повезло — удалось найти спонсоров, которые на протяжении четырех лет мощно поддерживали оркестр. Они то оплачивали наши зарубежные гастроли, на что требовалась сумма не меньше ста тысяч долларов, то покупали музыкантам инструменты и костюмы. И, что самое интересное, делали это безотносительно к Светланову, с которым даже не

тому, чтобы я убрал Светланова. И я ушел именно потому, что при всех моих претензиях к Светланову я не хотел в этом участвовать, а неизбежность подобной развязки с каждым днем становилась все более очевидной. К тому моменту Евгений Федорович много лет не выполнял 90 процентов обязанностей художественного руководителя оркестра. Его волновало лишь собственное творчество, а судьбу оркестра он никогда не считал предметом своих первоочередных забот. Гениальность — это не индустрия, которая на всю жизнь. Хотя Светланов гений, далеко не все, к чему он прикасался, становилось золотом. И проходных концертов у него было гораздо больше, чем событийных, особенно в 90-е годы.

Мне приходилось поневоле заниматься чужим делом. Светланов просто спихнул на меня львиную долю обязанностей худрука. Я вместо него руководил худсоветом, формировал оркестровый репертуар, которым он сам не дирижировал, приглашал практически всех дирижеров и солистов. И делал это, даже не имея возможности посоветоваться со Светлановым, — он всегда был недосыгаем: в стране его подолгу не было, а к телефону, где бы он ни находился, всегда подходила только его жена. И я советовался с теми людьми, чье мнение всегда очень уважал и ценил, — с Гергиевым и Спиваковым. Сначала я всем этим занимался без особого удовольствия, но постепенно вошел во вкус, почувствовал, что у меня получается. Се-

С Джесси Норман
в Нью-Йорке